

Армен Тыгу

Об итогах интуитивной драмы по уравниванию последствий межнационального конфликта

Протокол доклада в Ааду-Пеетри, Эстония.
20 июня 2007 г.

На методической группе мы обсуждали те 12 шагов, которые были найдены в процессе работы над импровизированной драмой по уравниванию последствий межнационального конфликта, и некоторые из возможных методов мы обсудили более подробно, но в принципе я думаю, основная цель этой работы была выработать общее видение результатов этой драмы, а именно, как эти 12 шагов взаимосвязаны.

Первый шаг, если вы помните, был связан с тем, что есть люди, которые как бы хотят активно участвовать в гармонизации возникшего конфликта - мы назвали их "Посредниками" и выяснили, что для того, чтобы активно действовать в какой-то области социальной жизни, нужно иметь определенные душевные и духовные качества. Это касается любой профессии, любого рода деятельности, в том числе и деятельности посредника в межнациональных конфликтах. У него должны быть не только определенные методические знания, но и определенные душевные качества, кстати, так же, как и у учителя, у врача и у всех, кто имеет дело с людьми.

Самый первый шаг, который такие люди должны уметь совершить, это обращение к эстонскому народному духу. Тут уже возникает методический вопрос: что это означает - обращаться к духу какого-то народа? Если посредник не сделает этого первого шага, остальные шаги просто не имеют смысла. Сама драма показала, что это означает. Хотя первый шаг не раскрыл никакого содержания, там просто был поставлен диагноз, что в настоящее время эстонский народ в принципе живет без контакта со своим народным духом, и что для такого существа как народный дух - дух эстонского народа - это означает, что он не получает от людей той необходимой поддержки, которая ему нужна для выполнения его миссии. Мы должны представить себе духовное существо, которое как бы оказалось в изоляции в силу того, что представители его народа не связаны с его миссией, не сознают ее. То есть люди в Эстонии, эстонцы что-то делают: занимаются бизнесом, издают книги, снимают фильмы, пишут стихи, статьи, молятся, воспитывают детей и так далее, но это все проходит мимо тех задач, которые призван осуществлять дух эстонского народа. Представьте себе, сколько народов живет в Европе и во всем мире, и каждый народ имеет своего духа, который так же, как и человек, имеет свою миссию. Каждый человек, принадлежащий к определенному народу, является орудием: руками, пальцами, голосом, с помощью которого дух этого народа может выполнять свою миссию. Он может действовать на Земле только через людей. И вот теперь оказалось, что эстонский дух как бы отрезан от своего тела. Он не может приводить пальцы в движение по своему усмотрению и вынужден «смотреть», как они совершают совсем другие движения. Можно представить себе, что он чувствует себя как своего рода аутист. Есть такая болезнь - аутизм, когда человек не владеет своим телом, когда его дух не связан с телом. Он хочет что-то сделать, но тело совершает совершенно другие движения. Со стороны это выглядит как совершенно неадекватные реакции этого человека на что угодно. Обращаясь к нему, никогда не знаешь, что он сделает, потому что он просто не может действовать в соответствии со своими мыслями и намерениями. В каком-то смысле для эстонского духа народа такая ситуация означает аутизм, раз он не может осуществить свои импульсы через свое тело, через души тех людей, которые принадлежат его народу. Так что посредник должен уметь обращаться к духу определенного народа и найти способ почувствовать и понять его ситуацию.

В частности для того, чтобы обращаться к какому-то народному духу, нужно знать архетип, который живет в этой народной душе, основной архетип, основную идею развития этого народа. У каждого народа есть своя идея развития, связанная с его миссией в контексте всего человечества. Развитие предполагает какой-то процесс, протекающий через несколько этапов. Если говорить о развитии эстонского народа, то мы, с одной стороны, имеем, такую ситуацию, что он вроде бы живет в

европейской культуре, но по сути своей остался язычником. То есть, хотя здесь и проводилась христианизация, но она до народной души так и не дошла. На территории Эстонии жили и другие народы, и они были христианами: немцы, шведы или русские. Эти народы так или иначе связаны с импульсом Христа. А эстонский народ не связался с этим импульсом, для него он остался чем-то внешним, привнесенным снаружи. Душа этого народа все еще больше связана с природой, как в древние времена. Христианство в этой ситуации ничего не изменило, ничего к ней не добавило. По тем или иным причинам этот решающий для положительного развития человечества импульс, можно сказать, прошел мимо этого народного духа или не дошел до него, во всяком случае, не был им принят.

С другой стороны, уже в процессе самой работы над этой драмой выяснилась еще одна особенность народного архетипа, который живет в душе эстонца. Выяснилось, что для эстонца типично такое состояние души, которое можно назвать "страхом перед смертью". Это страх естественный, природный. Такой страх жил в душах многих людей до прихода Христа к концу старой и в начале нашей эры. До т.н. Пришествия, Смерти и Воскресения Христа люди очень боялись смерти. Почему? Потому что они ощущали, что со смертью не только тело умирает, но умирает и душа. Что это означает? Это значит, что возможны как бы два варианта смерти: первый, когда умирает только физическое тело, а душа продолжает жить, и второй, когда человек теряет к тому же и душу. Уже древние греки и римляне боялись смерти, даже 3000 лет назад уже боялись, потому что человек чувствовал: когда я умираю, я не только тело теряю, я теряю способность вообще что-то чувствовать, я теряю вообще душевную силу что-либо переживать, иметь какие-то эмоции, что-то чувствовать. Поэтому говорили, что душа уходит в царство теней, она превращается в тень, в ничто, в пустое, так сказать, место. Греки называли царство умерших царством теней, и, когда умершие общались с живыми, они говорили, что лучше быть нищим в мире живых, чем царем в мире теней, потому что там в душе нет никаких чувств. Вот такая душевная смерть и связанное с ней ощущение небытия, несуществования, исчезновения, собственно и есть причина того страха перед смертью, который был свойствен всем языческим народам.

В ходе нашей драмы этот страх проявился: во-первых, как страх потерять свое физическое тело, то есть, земную жизнь, во-вторых, за ним встал еще другой страх - страх утраты существования вообще, страх смерти души после смерти, что после смерти вообще все прекратится, что не только тело исчезнет, а душа будет жить дальше, но что и душа исчезнет насовсем. Проявились два вида страха: один более поверхностный - просто страх перед обычной смертью, и другой страх более глубокий и основательный - страх душевной смерти.

Эти два страха 2000 лет назад получили свое разрешение благодаря Смерти и Воскресению Христа, потому что люди, которые в то время были ясновидящими и посвященными, могли сказать: до воскресения Христа, до Мистерии Голгофы души людей в самом деле умирали и полностью теряли силу жизни. Они становились тенью, впадали в депрессию, как бы падали в темную яму и влачили в потустороннем мире теневое существование. Это было реальным душевным состоянием. А после Воскресения, после прихода Христа переживания людей после смерти изменились, приобрели совсем другой характер, а именно в момент выхода из физического тела, теряя свое тело, умирая, так сказать, человек получил возможность пережить присутствие воскресшего Христа рядом с собой. Он оглядывался на свою жизнь, совершал, так сказать, обратный обзор прошедшей жизни и в этот момент замечал, что он не один, что рядом с ним находится воскресший Христос. И следствием этого было то, что, просматривая свою прошедшую жизнь, он чувствовал и радость, и боль; он чувствовал, что может жить дальше душевно, ощущать, воспринимать события, происходящие в духовном мире, что он не будет тенью, а будет чувствующим, душевно живым существом. Поэтому первохристиане говорили: благодаря Воскресению Христа, души умерших людей были спасены, Христос вывел их из ада, дал им новую жизнь; отныне смерть больше не властна над душами, которые восприняли импульс Христа, почувствовали его. Для них она преодолена.

В принципе это касается всего человечества. Вопрос только в том, что, чтобы это стало реальностью для отдельной души, она должна заметить присутствие Воскресшего в духовном мире. Если человек живет полностью материалистично, если он вообще отрицает жизнь после смерти, то он со своей смертью поневоле оказывается в царстве теней, он не может пережить такое воскресение после смерти. Если он во время жизни на земле отрицает жизнь после смерти, то

после смерти он оказывается как бы в кошмарном сне. Он даже может не понять, что он уже умер. Он будет продолжать бестелесное существование вблизи Земли как привидение и питаться силами живых людей, потому что физического тела у него нет, он не может нормально общаться с живыми, но он не может и покинуть земной мир, чтобы приобщиться к жизни в духовном мире. Таких беспокойных душ в наше материалистическое время весьма много в духовной атмосфере Земли. Бывает, что человек может верить, что жизнь после смерти вообще есть, но он не хочет ничего знать о Христе. В таком случае его душа опять-таки не сможет адекватно воспринять духовный мир. Ее восприятие будет искаженным, иллюзорным. Она будет подвержена влиянию негативных существ, которые используют ее для достижения своих деструктивных целей.

Так что в процессе нашей драмы мы заметили также, что в душе представителя эстонского народа живет страх потерять физическое тело - страх смерти, и страх потерять душу, то есть, потерять самого себя, в конце концов. Оба эти страха заявили о себе. Но одновременно проявился также и путь к избавлению от этого страха, который состоит в решении несколько задач, ради чего необходимо сделать несколько шагов.

Первый шаг был – вначале просто принять на веру, что есть такой Иисус Христос, который однажды жил, умер, но не остался мертвым, а воскрес и с тех пор может встретить душу человека, переступившего порог смерти, поверить, что эта душа может его воспринять, и тогда у нее есть возможность жить в духовном мире вместе с ним сознательно, он является для нее своего рода водителем или Солнцем, которое освещает духовный мир. Но поначалу это только вера, без какого бы то ни было подтверждения, без собственного опыта. Однако можно выслушать свидетельства многочисленных людей, которые либо во время клинической смерти, либо в результате сильных переживаний в отчаянной ситуации реально пережили встречу с воскресшим Христом. Как правило, такие люди рассказывают о решающем перевороте в своей жизни после этой встречи, что говорит о том, что это не просто фантазия или галлюцинация, а вполне реальная сила. Это может укрепить веру в душе того, кто сам еще не имел такого переживания, и такая вера придаст душе на пороге смерти силу воспринять духовную сущность Христа. Итак, первый шаг касается преодоления страха перед тем, что с потерей физического тела может наступить и смерть души.

Другое дело страх вообще перестать существовать. Для преодоления этого страха нужно выработать в себе еще большую силу. Для этого недостаточно просто верить, что жизнь после смерти продолжается, для этого необходимо выработать в себе то основное качество, которое принес на Землю Христос, то есть способность прощения. Если мы оглянемся на более древние времена, то обнаружим, что у древних народов такого свойства не было вовсе. До Христа действовал железный закон, который звучал так: око за око и зуб за зуб, что ты мне сделал, то я тебе сделаю. Каждая обида должна была быть отмщена. А прощение означает, что если кто-то кому-то навредил: отнял его имущество, обидел словом или делом, совершил относительно него какую-то несправедливость, то другой не забирает у него то, что ему положено, не платит тем же, но закрывает этот долг иначе, предоставляет обидчика суду его собственной совести, причем делает это из сознания, что он сам тоже не свободен от греха и также нуждается в прощении волей или неволей обиженных им сограждан. Это называют прощением. И мы заметили в образе, что даже если человек имел веру, что жизнь после смерти есть, тем не менее, он не мог прийти до воскрешающей силы Христа, если обиды закрывали ему путь. Он должен был научиться качеству прощения.

Таков архетип эстонской народной души: первое, чего ей не хватает, это веры, той силы, которую обычно называют верой; второе - душевной силы прощения. Она нуждается в этих силах, чтобы быть в состоянии развиваться в соответствии с общими задачами человечества, и эти силы могут в себе развить только те представители этого народа, которые в состоянии проснуться к пониманию реальных, действующих в мире взаимосвязей. Выработав в себе эти два качества, человек может обрести силу воскресения, которая необходима для жизни души после смерти и как следствие обрести душевный мир также и в земной жизни.

Этот архетип проявился также в следующих шагах. Но для посредника первым шагом явилось уже осознание того, что в наше время означает "обратиться к духу эстонского народа". Это означает научиться действовать в духе этого архетипа. Например, к духу эстонского народа не может обратиться язычник, потому что он не сможет действовать в духе этого архетипа. Если следовать

ходу драмы, можно сказать: есть люди, которые оживляют старые народные традиции, традиционные верования, говорят о Таара и Маа, устраивают разные мероприятия, чтобы приобщить народ к старым традициям и т.д. Они говорят: "Мы действуем в национальном духе". На самом же деле, они не действуют в национальном духе, потому что там абсолютно нет ни первого, ни второго пункта из того, что является идеей развития национальной души, народной души. Они обращаются исключительно к прошлому, а не к будущему этой души. То есть, эта группа людей сама собой отпадает как возможные посредники. Посредником может быть только человек, у которого уже есть какая-то личная связь с христианским духом, потому что это единственный дух, который заинтересован в прогрессивном развитии человека и человечества.

Еще раз: что означает обращение к духу народа? Это означает сознательно построить свои шаги в смысле идеи эстонского народа, а сознательно это может сделать только тот, кто считает эту идею реальной, соответствующей истине. Так что вопрос о том, кто может быть посредником между эстонцами и эстонским народным духом, сильно сужается, так как здесь очень немногие люди связаны с импульсом воскресшего Христа. Они не могут выступить в роли посредника уже чисто в силу своего мировоззрения.

Как можно обращаться к духу народа? Обращаться к духу народа можно по-разному. Можно написать, скажем, книгу на подобную тему. Если бы в этой книге в художественной форме была проработана упомянутая тематика: преодоление страха физической смерти, преодоление страха душевной смерти, прощение, тогда это дало бы душе народа возможность высказать свои насущные нужды, пробудить людей к реально необходимой деятельности.

К сожалению, в современной эстонской культуре эта тема практически не звучит как тема народной души. Скорее, в ней все снова звучит как раз ее негативные аспекты: страх исчезнуть, потеряться в присутствии большого количества представителей других народов, желание искусственно вернуть и удержать прошлое, которое безмерно идеализируется и, надо сказать, слепо глорифицируется.

Некоторые ощущают наличие этой проблемы, но не видят возможности ее решения. Это те, которые начинают осознавать наличие в своей душе упомянутого страха. Ведь мало кто его действительно осознает, потому что, как правило, он бессознательно облекается в различные патриотически-героические одежды, заглушается громкими речами о горькой судьбе народа, прячется за искусственно созданными и раздуваемыми образами врагов народа и его предателей. Кстати, как раз те, кто начинает говорить языком разума, тут же спонтанно объявляются предателями. В настоящей ситуации это тоже приходится воспринимать как неизбежную судьбу христианского посредника.

Что касается посредника, то его задача заключается как раз в том, чтобы помочь людям осознать сам факт наличия этого страха в подсознательных глубинах души. Не внушить его, не пугать людей, а именно помочь им осознать его наличие с тем, чтобы обрести возможность его проработать и преобразовать в силу веры и способность сознательно строить будущее своего народа. А то ведь о чем люди думают? В чем видят смысл жизни? В том, чтобы повыситься, так сказать, благосостояние народа, бороться с коррупцией, наказать виновных в несчастной судьбе народа, уговорить власть имущих действовать на благо народа и т.д. и т.п. Это все пустое, если нет понимания главной идеи.

В драме этот страх сначала проявился как боль, как тревога перед чем-то, что может случиться, что витает в воздухе, но не позволяет себя осознать. Это реальное чувство, потому что ведь любой человек когда-нибудь должен умереть, этого нельзя избежать. Здесь на Земле не может быть вечной жизни. Можно, конечно, сказать, что эти чувства живут в душе любого человека независимо от его национальности, и, тем не менее, для эстонского народа они приобретают особую специфику в связи с оторванностью эстонского народного духа от Христа.

Наряду с эстонским народным духом мы идентифицировали также архетип духа русской общины, русских живущих в Эстонии. Это был второй шаг посредника - обратиться к духу русской общины в Эстонии. Этот шаг тоже предполагал, что посредник должен увидеть и этот архетип, причем не русского народного духа вообще, а именно архетип того группового духа, который является духом русской общины здесь, в Эстонии. У нее есть свой особый нюанс со своей специфической задачей.

Хотя у русских, которые живут в Эстонии, и есть свои корни в России, но они здесь родились, многие уже во втором, третьем и больше поколении, они выросли в атмосфере русской культуры, и у них, как оказалось, сформировался свой групповой дух. Теперь этот архетип тоже можно охарактеризовать.

Первая задача посредника относительно русских заключается в том, чтобы напомнить людям, которые относятся к местной русской общине, их культурные корни, побудить их осознать, откуда они происходят. Если бы они жили в России, с корнями не было бы проблемы, люди бы знали, куда они относятся. А здесь они находятся в специфической ситуации, их архетип не просто русский, а архетип русской диаспоры в Эстонии, и в реальной жизни они зачастую вынуждены отодвигать вопрос о своих корнях на второй, а то и на более дальний план, чтобы не провоцировать конфликт, приспособиться, так сказать, к реальной ситуации. Тем не менее, первый шаг, который им необходимо сделать, это вспомнить свои корни, свое происхождение. Это важно для архетипа этой групповой души.

Второй шаг заключается в том, чтобы осознать ту боль, которая была пережита русским народом в прошлом. И опять для русского это переживание будет совсем иным, чем для эстонца. Последнему нет особого смысла осознавать свои корни или осознавать боль, пережитую его предками. Во всяком случае, это ему не поможет продвинуться вперед, а скорее наоборот, задержит. Для него актуальна проблема страха и прощения.

Можно возразить, что страх физической смерти и страх душевной смерти присущ каждому человеку независимо от национальной принадлежности. Но, если вчувствоваться внимательнее в эти феномены, то можно обнаружить, что страх смерти не является архетипом русской народной души. В душе русского человека нет этого архетипа, поэтому миссией духа русского народа не является преодоление страха смерти. В русской душе этого страха просто нет. Русская душа устроена совершенно иначе, в ее жизненных силах, в эфирном теле живет сила воскресения. Может быть, индивидуально кто-то и испытывает страх перед перспективой смерти, но это сугубо личный страх: из-за слишком материалистического образа мыслей, недостатков воспитания и т.д., но он не имеет отношения к народному характеру. В России к народному характеру страх смерти не относится. А к эстонскому относится. В этом разница.

Можно спросить, а в чем же смысл прощения? Прощение связано с воскресением души после смерти, со способностью жить после смерти душевно. Человек должен выработать в жизни определенные качества, которые позволяют преодолеть страх небытия. Тут одной веры недостаточно, нужно еще научиться прощать долги должникам. Это специфическая сила, которая пробуждает в душе силу воскресения.

В молитве "Отче наш" слова "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим" относятся к эфирному телу. К русскому архетипу не относится задача выработки прощения. У него иная задача. Ему необходимо осознать свою собственную боль, пережитую в прошлом, и потом сделать еще один шаг - научиться переживать боль других людей, которая возникает, когда один человек причиняет другому зло. То есть перед русской душой как архетип стоит проблема зла вообще, необходимость понять проблематику зла: что происходит, когда один человек причиняет другому страдание - не мне, а другому. Вот эту способность понимать надо научиться вырабатывать. Ее можно назвать состраданием. Благодаря этому чувству сострадания в душе рождается мудрость. Мудрость всегда является плодом правильно пережитого страдания. Таков архетип групповой души русских, которые живут в Эстонии.

И все это выявилось по ходу развития драмы, а именно, что для эстонской души актуальна проблема смерти, ей надо решить загадку смерти. В свою очередь для местной русской души актуальна проблема, загадка, тайна зла.

Это не значит, что эти проблемы не касаются всего человечества, и, тем не менее, можно наблюдать, что каждый народный дух решает их по-своему и перед каждым стоят особые специфические задачи, которые особенно четко проявляются в конфликтные периоды в жизни народов.

И посредник должен все это знать? Он должен это знать не только головой, он должен обе эти вещи по-настоящему пережить. Кроме того посредник вообще должен не только знать эти два общих народных архетипа, он должен также уметь разговаривать об этом с конкретными людьми. Потому что в жизни, общаясь с конкретными людьми, редко можно встретить общие архетипы в чистом виде: в одном более жив один аспект, в другом другой, это надо видеть и чувствовать, чтобы с каждым найти общий язык. Что для этого нужно знать, какие качества необходимы кроме знания архетипа?

И вот, для этого нужно было выработать следующие качества: это был шаг, который прозвучал, как "Обращение к Истине". Тут уже речь идет об индивидуальном развитии посредника. Ему необходимо выполнять определенные упражнения, чтобы научиться общаться с людьми, которые находятся в национальном конфликте друг с другом. Он должен развить в себе достаточно большую силу эмпатии и выработать в своей душе чувство истины, развить логику чувств. Благодаря развитому чувству истины, у него возникнет и эмпатия, и внутренняя свобода, и способность любви и сострадания. Он научится ставить себя на место другого человека, переживать его состояние. Это все индивидуальные вещи, которые надо уметь делать или учиться это делать.

Так что это можно назвать индивидуальной школой, которую необходимо пройти, чтобы стать посредником, к тому же необходимы основательные знания двух народных архетипов. Ну и, понятное дело, всегда есть что-то, что мешает развитию этих качеств. В нашем случае это были личные человеческие страхи, которые не позволяют ни быть свободными, ни переживать эмпатию, ни сострадать другому, ни чувствовать истину. Это выдвигает перед кандидатом в посредники новую задачу: увидеть эти личные страхи, осознать их и преобразовать. Это можно представить себе как циклический процесс. В драме так и было - человек несколько раз подходил к этим вопросам, так сказать, кругами. Это надо повторять много раз. Только обретя такой опыт, он может обратиться к Духу одного и другого народа и к отдельным их представителям.

В нашей драме посредник в первую очередь обратился к представителю русской общины, который потерял свои корни, замкнулся, потерял самого себя в здешней культуре и потерял связь со своей народной душой - также, как и эстонец. Оба не были связаны со своими народными душами. Перед посредником встала задача дать этому человеку возможность восстановить эту связь с народной душой. Для этого нужно было помочь ему осознать свои культурные корни и потом дать возможность осознать ту боль, которая была конкретно этим человеком пережита в силу его жизненных обстоятельств здесь, как представителя этой нации. После этого надо было сделать следующий шаг. В принципе этот человек сам должен был сделать этот шаг, чтобы установить правильную связь с душой своего народа, со своей групповой душой. Он должен был пережить общечеловеческую боль и сострадание. Можно сказать, что в образе Христа эти качества представлены глобальным образом, так как Он несет в себе всю боль человечества. Важно не только это знать, но и пережить как несомненную реальность, а именно, что есть кто-то, какая-то сущность, которая несет в своем сердце всю боль человеческую. Это переживание может пробудить в человеке решимость взять на себя часть этой боли. Таким образом, он достигает архетип русской души, соединяется с ней в душевном порыве. Вместе с Христом нести боль человеческую, взять часть ее на себя - это соответствует архетипу русской народной души. Такое решение приближает этого человека к истоку мудрости. Он как бы затрагивает задачу 6-й культурной эпохи*, которая будет эпохой мудрости.

Потом было обращение к представителю эстонского народа, который тоже не имел связи с народной душой, и там выяснилось то, что я уже сказал: посредник должен был правильным образом сформулировать для него его страх смерти, так, чтобы он осознал, что не внешние обстоятельства мешают ему жить, не дают покоя, не те или иные люди, не те или иные решения власть имущих, а ему мешает жить его собственный, глубинный страх смерти, страх небытия, который невозможно истребить никакими внешними мероприятиями. На самом деле он боится исчезнуть душевно-духовно на уровне народа и, поскольку он идентифицирует себя с народом, то и как отдельный человек. Надо было показать, что ему именно с этим надо работать.

Там был еще один интересный и очень характерный момент, когда представитель русской общины попытался подойти к эстонцу. Реакция эстонца на это выразилась в напряжении, в желании отойти

подальше, потому что при приближении к нему русского у него усилилось ощущение, что он себя как бы теряет. Ощущение "я могу потерять себя" усиливается. Это тоже было архетипично. 100 лет назад Рудольф Штайнер уже описал этот феномен. В одной из лекций он рассказал, откуда происходит название "русский": эстонцы и финны называют шведов, то есть викингов "ротси". В принципе, когда появилось название "русский", в России еще не было столько монголо-татарской крови, там была германская кровь, смешанная со славянской. И вот эту германскую кровь угро-финские народы переживали таким образом, что если к ним приближался германец, то они чувствовали, что от него идет давление на собственное сознание, возникало ощущение потери своего сознания. Угро-финские народы живут больше в своем окружении, во внешнем мире, а германцы были очень индивидуализированы, центрированы, так сказать, в своем Я. И такая их, может быть, жесткость или самосознательность действовала на сознание тех, кто имел с ними дело, подавляющим образом. Это ощущение финны и эстонцы выразили словом "ротси". Это словесное выражение описанного душевного состояния: когда ко мне - финну или эстонцу 1000 лет назад -, подходит германец, то то, что я переживаю я должен назвать "ротси". А потом эти ротси, эти варяги пошли в Россию, в Новгород, и поэтому они стали "руссы". Из этого названия "ротси" появилось слово "руссы". Это северные русские, более индивидуализированные души, чем другие, которые пережили сильное татаро-монгольское влияние. Там это состояние «ротси» уже не было так выражено.

Можно еще спросить: почему эти два народа – эстонский и русский - оказались в одном пространстве, на одной территории? Один народ отделился от своего, так сказать, материнского народного лона, ушел с основного места обитания своего народа и оказался в совсем другой стране в меньшинстве как национальная группа. На это можно ответить так: в жизненных силах русских живет импульс воскресшего Христа. Он там есть, его туда не надо привносить, он там просто существует от рождения, и поэтому этот элемент реально присутствует везде, где живут русские. То есть, если бы здесь, в Эстонии вообще не было русских, то я бы сказал, что ситуация, в которой оказался бы архетип эстонской народной души, была бы весьма плачевной, потому что ей неоткуда было бы взять христианский импульс, просто неоткуда было бы его почерпнуть. Разве что должно было бы произойти какое-то чудо. Так что, как ни странно и ни парадоксально это звучит, получается, что эстонскому народу нужно присутствие среди них русских. Если бы мы могли заглянуть на эфирный план, то мы бы увидели, что эти два народных духа мирно сотрудничают друг с другом. В драматическом образе было ясно видно, что там нет никакого антагонизма. Антагонизм есть только на человеческом уровне, а не на уровне архангелов или, скажем, духовных иерархий. Там, наоборот: один, как бы послал представителей своей общины сюда, чтобы помочь другому выполнить его миссию. На политическом уровне и в обычной, повседневной жизни это выглядит как раз наоборот. Штайнер говорит, что, если какие-то нации воюют между собой, то в духовном мире идет активное сотрудничество архангелов этих воюющих народов, а на земле как теневой образ этого сотрудничества происходит обратное.

Из сказанного ни в коем случае не следует, что архангелы должны конфликтовать между собой, чтобы на земле народы нашли общий язык. Конфликт на земле происходит оттого, что на человеческом плане вообще нет никакой связи с тем, что происходит в духовном мире. В драме было так: дух одного народа попросил другого о помощи. Другой сказал: хорошо, я тебе помогу и послал к нему своего, так сказать, представителя, духа небольшой русской общины вместе с определенным количеством принадлежащих ему людей. Как это выглядело внешне, имеет второстепенное значение. Но, поскольку на земле нет связи с духовным планом, то здесь возникла ситуация, в которой два народа общаются друг с другом как аутисты. Если их поставить рядом, они могут духовно телепатически переговариваться, а физически друг другу в волосы вцепиться, исцарапать, потому что тело отделено от духа и делает нечто совсем другое, чем дух хотел бы. Вот такая у нас ситуация.

До этого мы еще обратились к Духу Времени или к Духу нашей культурной эпохи. Это уже нечто более глобальное, это касается всего процесса эволюции Земли и человечества, в смысле которого идет глобальная эмансипация людей от разных родовых, национальных и других природных уз, потому что в нашу эпоху основная задача каждого человека осознать свою индивидуальность во взаимодействии с другими индивидуальностями. Это происходит в большой мере спонтанно, можно даже сказать, вынужденно, и тогда перед человеком открываются два пути развития: либо он попадает в новые зависимости (партии, секты, клубы, ордена, банды и т.д.) либо становится

свободной индивидуальностью, для чего нужно пройти определенный путь духовного развития. Это, так сказать, общий архетип Духа Времени. Но Дух Времени сказал, что у него много задач, которые охватывают куда более широкое пространство и более глубокие проблемы, чем то, что происходит здесь, в этой маленькой стране. Это всего лишь частность. Он просто послал обратившихся к нему людей к их страхам, дав тем самым понять, что, пока они не решат эту проблему, они не могут двигаться дальше.

Можно спросить дальше, зачем русскоязычной общине в Эстонии нужны эстонцы, на что ответ будет в принципе тот же: чтобы эстонская душа смогла выполнить свою миссию, так как она сможет это сделать, если то, что живет сейчас в местной русской общине, перейдет в эфирное тело всех здешних жителей, то есть, если произойдет то, что называют ассимиляцией этих двух народов, хотя обычно это понимается неверно, потому что предпринимаются попытки, так сказать, эстонизировать русских, оторвать их от своих культурных корней, что на самом деле не имеет никакого смысла ни для одного, ни для другого народа.

Русскоязычная община живет на земле Эстонии, потому что русский народный дух ответил на просьбу эстонского народного духа и сказал: "Я тебе пошлю сюда 400 000 своих людей, у которых в эфирном теле живет импульс Христа. Если они проживут здесь 3-4 поколения, то этот импульс войдет в те 900 000 эстонцев, которые иначе кончат самоубийством как нация. Р. Штайнер говорит, что если какой-то народ не выполняет свою миссию, он кончит самоубийством, он просто исчезнет. То есть, если эстонский народ будет и дальше держаться за старое, за язычество, если он будет отграничиваться, пытаться сохраниться как этнос, бояться, что он исчезнет, и так далее, то он просто прекратит свое существование в будущем, в самом деле исчезнет. То есть, как раз то, что сейчас делают, якобы, для сохранения народа, на самом деле ведет прямым путем к его уничтожению.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что русскоязычная община в Эстонии отнюдь не должна раствориться. Она должна наоборот как следует осознать свою культуру, вспомнить себя. Если она забудет себя и просто растворится, сольется, так сказать, с эстонцами, то это не принесет никакой пользы эстонской культуре и эстонской душе. Во всяком случае, от этого будет мало пользы. Тут важно, чтобы эта задача жила в сознании, а именно задача помочь эстонской душе пробудиться к своей современной актуальной задаче. Для этого нужно много людей. Один хороший писатель еще ничего не изменит. Нужны люди, которые услышат этот зов и отреагируют на него, чтобы это вошло в культуру. Чтобы произошло слияние и взаимооплодотворение обеих культур. Чтобы люди поняли, что импульс Христа, импульс Воскресения это не просто немецкая или, скажем, православная или русская вера, но что он необходим самой душе эстонского народа хотя бы просто для выживания, а также каждой отдельной индивидуальности, чтобы она могла приобщиться свету общечеловеческой истины.

Интересно наблюдать, что сейчас происходит в сфере образования. Например, предлагаются такие варианты интеграции, которые имеют в виду постепенное сокращение часов русского языка в школах, чтобы к 2011 году все школы могли перейти только на эстонский язык, чтобы русские, наконец, стали эстонцами. Так политики думают решить вопрос двухобщинного общества. На самом деле такой вариант означает для русских потерю своих культурных корней, а вместе с тем и потерю миссии своей групповой души. Эстонцами они все равно не станут, так как это не входит в их миссию, и в результате русской общине грозит полная бездуховность и как следствие этого активизация подспудной, инстинктивной агрессивности. Тогда начнется гражданская война.

То, что Р. Штайнер предлагает в смысле социальной трехчленности: в первую очередь полная свобода в духовной жизни, что означает автономию в вопросах образования, языка, культуры - полная автономия, без какой бы то ни было политики, без всякого вмешательства в волю отдельного человека и без всяких страхов, что, например, в Нарве 90% населения говорит по-русски, значит, эстонцу там, мол, вообще нечего делать. Все это не более как игра на инстинктивных национальных страхах. Полная автономия на самом деле означает быть последовательными и сказать: хорошо, пусть там будет два языка, раз жизнь этого требует. В тех областях, где живет большинство русскоязычных, должно быть два языка, должно быть две культуры, в полном смысле две - без всякого политиканства. Это то, что Штайнер предлагает. Если духовная жизнь будет свободной, тогда все эти стены, барьеры, препоны, которые громоздятся

между эстонцами и русскими, исчезнут и произойдет необходимое слияние культур, причем правильное слияние, которое создаст предпосылки для будущей единой нации. А если этого не сделать, то будет только разделение, бесконечные раздоры, напряжение и в результате ни тот, ни другой народ не выполнят свою миссию. Все дальнейшие неизбежные страдания будут просто бессмысленными.

В драме было видно, как это происходит, поэтому можно сказать, что это не просто теория, но что это было реально пережито всеми участниками. Там работало 50 человек, и все в принципе наблюдали то же самое, хотя люди то и дело менялись ролями. Поэтому эти знания не являются открытием одного или другого человека, плодом его фантазии. Это результат тяжелой групповой исследовательской работы, мимо которого в принципе нельзя пройти.

Что же делать? Ясно, что отнюдь не достаточно того, что мы тут выяснили кое-какие задачи. Их ведь кто-то должен осуществлять, само собой ничто не происходит. Как донести эти знания до более широкого населения?

С одной стороны, во время нашей работы были созданы определенные мыслеформы, и эти мыслеформы значительно уплотнились благодаря тому, что их продумали и пережили несколько десятков человек. Но этого, конечно, недостаточно. Работу надо продолжать, надо искать методы, как эти идеи осуществить. С другой стороны, эта работа отнюдь не новая. Мы занимались вопросами духа эстонского народа уже шесть лет назад. Тогда мы пришли к подобным результатам. За шесть лет несомненно произошли кое-какие сдвиги, по крайней мере в сознании все большего количества людей формируется чувство, что никакие до сих пор предпринятые политические мероприятия не ведут ни к какому удовлетворительному результату, и что выход из создавшейся ситуации надо искать на иных путях, но критическая масса еще не достигнута. Нужно, чтобы было достаточно много людей, которые понимают, что причиной критической ситуации в стране является отнюдь не присутствие русских в Эстонии, а нечто совсем другое, что проблема заключается не в понижении материального благосостояния или в безработице, которые суть только следствие духовной слепоты большинства жителей страны.

Так что русские, которые тут живут, просто несут в себе импульс Христа, но без достаточного самосознания; не зная этого, они не могут его правильным образом перенести. Мы видели, что в драме не получилось контакта между русским и эстонцем. Там было только отторжение, потому что сработал принцип "ротси", отторжения, недоверия, нежелания идти на контакт. И так будет всегда, пока русский не поднимется в своем сознании на соответствующий уровень.

Почему русские несут в себе импульс Христа? Рудольф Штайнер говорит, что русский народный Дух сравнительно молодой и изначально очень близок Христу, который готовит его к тому, чтобы в шестой культуре, которая через полторы тысячи лет сменит нашу современную культуру, взять на себя роль ведущего Духа эпохи. Шестая культура будет Славянской. Поэтому фактически все человечество заинтересовано в том, чтобы русский народный Дух мог развиваться по возможности свободно и плодотворно осуществлять свою миссию среди других народов.

С этой миссией, как уже было сказано, связана способность понимания других и прощения. Способность прощать это одна из сторон проявления совести. Без контакта с совестью невозможно нести христианский импульс. Человек, для которого совесть пустой звук или просто нечто несущественное, фактически все еще живет до нашей эры, в эпоху Ветхого завета.

Кроме того важно понять, что, когда встречаются два человека различной национальности, то оба являются не только представителями своей нации, но в первую очередь они являются индивидуальностями, которые только относительно связаны со своим духом народа. Когда человек осознает себя как индивидуальность, он в каком-то смысле сознательно выполняет ту миссию, которую бессознательно выполнял как представитель нации - в силу национальных, наследственных черт своего характера, образа мышления и т.д. А индивидуальность сознательно выбирает себе какие-то задачи, причем еще до рождения. Здесь, на Земле ей предстоит только вспомнить, осознать эти задачи, чтобы найти в себе силу для ее выполнения, в том числе для преодоления возникающих на пути препятствий.

Откуда возникают лозунги типа "Мы этого никогда не забудем! Мы не простим врагам страдания народа!" "В наших душах пылает огонь священной ненависти к фашистским захватчикам!" и т.д. Тут опять-таки надо просто проснуться, взглянуть в окно и вспомнить, в какое время мы живем. Ведь, если мы разговариваем, скажем, с молодым двадцатилетним немцем и говорим ему последнюю фразу, то возникает вопрос, какое это имеет к нему отношение. Что мы ему не прощаем? Или молодые русские, которых попрекают делами их отцов и даже дедов? Это же чисто ветхозаветная установка "зуб за зуб, око за око", причем на много поколений назад. Если подумать, то ведь это абсурд, человеческая слепота или политическая ослепленность. Ведь сегодня мы имеем дело с конкретными людьми, которые давно реинкарнировались. Скажем, в прошлой жизни еврейская душа, которая во время геноцида погибла в газовой камере, а в наше время родилась в Германии, приезжает в Израиль и какой-нибудь молодой израильтянин, которой сам, может быть, был надсмотрщиком в концлагере, говорит этому немцу, что он его не прощает? Спрашивается, за что? Все перевернулось с ног на голову и люди этого не замечают. И наоборот, в еврейских семьях рождаются дети, в которых живут души губителей евреев в прошлой жизни, потому что ведь действует закон кармы, по которому человек рождается в народе, который он в прошлой жизни ненавидел, который он уничтожал.

Конечно, можно сказать, что это вопрос мировоззрения или религиозных принципов. Израильские верующие и каббалисты могут сказать, что такого не может быть, что в Израиле всегда воплощаются только еврейские души. Это вопрос мировоззрения, но ведь существуют реальные факты, которые не зависят ни от каких мировоззрений.

Может возникнуть еще такой вопрос: если мы говорим, что одна душа реинкарнирует то в одном, то в другом народе, то кто же держит эту миссию духа народа? Миссия держится благодаря тому, что в определенном воплощении воспитание, народный дух, и так далее влияют через эфирное тело или через сознание носителя этого народного духа.

Кроме того, сейчас происходит все больше и больше смешивание разных национальностей. Во-первых, этому способствуют смешанные браки, во-вторых, многие люди больше не живут всю жизнь в одном народе, а проводят часть жизни в одном, часть в другом. Какому духу они служат, какую миссию им надо выполнять?

Если взглянуть на это с более отдаленной перспективы, то можно сказать, что через 2000 лет больше не будет особенных национальных различий и отдельных народов, узко этнических групп. То есть не так далеко это время, когда расовые, этнические и языковые барьеры просто исчезнут в силу распространившейся телепатии. Сейчас многие стремятся развить то, что называется логикой чувств, и, когда эти души рождаются через пару воплощений, то они будут обладать естественной способностью чувствовать любого человека, понимать его без посредства специального языка.

Тогда архангелы, выполнив свою миссию как Духи народов, перейдут на следующую ступень развития. Они станут вести общины третьего поколения, которые будут возникать или создаваться не по народному, не по национальному принципу, а по духовному. Это будут совсем другого рода общины. Их будут объединять общие идеалы, общие цели и, прежде всего, духовное родство их членов независимо от национальной принадлежности, цвета кожи и прочих внешних различий.

**В настоящее время человечество переживает 5-ую культурную эпоху – эпоху «души сознательной», задача которой пробудиться к осознанию связи земного мира с духовным.*

Редакция расшифровки аудиотекста с некоторыми дополнениями: Юлия Добровольская. Текст публикуется при согласии автора.

Автор по национальности эстонский армянин и священник Общины христиан.